

Мистический узор судьбы

**Читайте в серии
«Мистический узор судьбы»
романы Натальи Калининой**

Яблоневый сад для Белоснежки

Малиновый запах надежды

Аромат колдовской свечи

Стеклянный омут

Тонкая нить предназначения

Семь сокрытых душ

Ледяной поцелуй страха

Секрет черной книги

Что скрывают зеркала

Код фортуны

Побег из Страны грез

Загадка старого альбома

Седьмой мост

Наталья Калинина

Распахни врата полуночи

роман

Москва
2017

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
К17

Оформление серии — *Е. Анисина*
Иллюстрация на обложке — *О. Исаева*

Калинина, Наталья Дмитриевна.
К17 **Распахни врата полуночи : роман / Наталья Калинина.** — Москва : Издательство «Э», 2017. — 320 с. — (Мистический узор судьбы. Романы Натальи Калининой).

ISBN 978-5-699-98227-1

Жизнь Анны была обычной и даже пресной вплоть до недавнего времени. Однако теперь все меняется. Девушке приходят анонимные письма с угрозами, а еще ей снова снится кошмар, в котором она идет по заброшенной фабрике, в каждом уголке которой притаилась опасность. Этот сон всегда предвещает неприятности. Но сейчас все делается еще страшнее: люди и предметы из снов Анны вдруг появляются в реальной жизни. Готова ли она встретиться со своим кошмаром лицом к лицу?..

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-98227-1

© Калинина Н., 2017
© Исаева О., иллюстрация
на обложке, 2017
© Оформление.
ООО «Издательство «Э», 2017

С любовью – моим родным и близким.

*Особо хочу поблагодарить:
мужа – за терпение, помощь и поддержку,
Екатерину – за ценные советы и ювелирную работу,
Арутюнову Нину и Анисимову Ольгу –
за переводы и некоторые идеи,
Серхио Мората – за музыку и тексты.
В произведении использованы
тексты песен группы «Sergio Morata»*

Пролог

«У

ходи! Уходи, пока не поздно!» – осторожность не просто кричала, она уже билась в истерике, но я ее не слушала. «Его здесь нет! Нет!» – лгала она, пытаясь меня образумить. А я, стиснув зубы, торопливо шарилася расцарапанными руками по шершавой кирпичной стене в поисках выбоин, пробовала на прочность выступающие камни. «Ты отсюда не вернешься!» Я лишь отмахнулась от предупреждений и, обнаружив подходящую выемку, решительно вложила в нее пальцы. «Это безумие, безумие...» – причитала осторожность, не одобряя моих действий. Как послушное дитя, я всегда ходила с ней за руку, лишь однажды ослушалась и выскочила замуж слишком быстро. Но

тогда мной двигала «большая неземная любовь»...

Как, впрочем, и сейчас.

Я могла бы тридцать раз, трусливо поджав хвост, дать деру от этой мертвой фабрики с испещренным трещинами-морщинами фасадом, днем отрешенно взирающей пустыми глазницами на снующие по дороге машины, а ночью, подобно неупокоенной душе, погружающейся в призрачное существование. Но чувство, которое двигало мной, оказалось сильнее инстинкта самосохранения и давней фобии. Это оно заставляло забыть об осторожности, это оно впрыскивало в кровь адреналин и, подобно анальгетику, снимающему боль, притупляло ужас. Это оно придавало ловкости и силы моим нетренированным рукам и ногам. И даже обостряло зрение, иначе как объяснить то, что в почти идеальной темноте я могла разглядеть не только смутные очертания фабричного здания, но даже узор старой каменной кладки? «Ночью все кошки серы», — гласит пословица, а я готова была поклясться, что в этой чернильной темени вижу цвета и оттенки: парапет казался мне вишневым, а стена — красно-коричневой.

Уцепившись пальцами другой руки за следующую выбоину в стене, я поставила ногу на парапет и, чуть подтянувшись, выпрямилась. Теперь я находилась в полуметре от земли, и пустая глазница окна оказалась напротив моей груди. Счастье, что окна фабрики расположены

низко. Я навалилась грудью на кирпичный подоконник и после некоторых усилий смогла оседлать его. Уверенно перекинула вторую ногу, воображая себя гимнасткой на брусьях (в такой адреналиновый момент мне на ум почему-то пришло воспоминание о школьных уроках физкультуры, на которых я, увы, не блистала). Но на этом решимость дала трещину. Одно дело — находиться по *ту* сторону фабричного здания, на улице, и другое — уже свесить ноги в его нутро. Что меня ждет *там*?

Давняя фобия, культивируемая ночными кошмарами, вернулась. На грудь будто навалилась тяжесть, спина и подмышки неприятно взмокли. Дышать стало так трудно, словно воздух разом сгустился до состояния киселя. Еще мгновение — и я бы послушалась приподнявшей голову осторожности и повернула назад, но тут как будто увидела скрючившуюся на полу фигуру, и сердце пронзила боль: а вдруг уже поздно?!

Долой страхи!

Я перекрестилась широким жестом и, зажмурившись, прыгнула. Приземлилась легко и мягко, словно не на бетон, а на разрыхленную землю. Все. Назад хода нет. «Не вернешься!» — пискнула поверженная осторожность. Я сделала первый шаг, и с губ сорвался пронзительный крик: под ногой оказалось что-то мягкое, дернувшееся под резиновой подошвой. В следующее мгновение тяжелая, как могильная плита,

тишина взорвалась воплями, и нечто меховое скользнуло по голой щиколотке.

— Крысы! — заорала я, в ужасе отскакивая.

И уже чуть позже по оглушительному «мяу-ууу!» поняла, что потревожила всего лишь бездомных кошек, облюбовавших это заброшенное помещение.

— Чтоб вам... — тихо выругалась я, однако про себя обрадовавшись тому, что нахожусь здесь не одна, и «соседки» мои — кошки, к которым я испытывала симпатию. Куда хуже были бы крысы...

Я вытащила из кармана джинсовых бриджей фонарик и включила его. Луч света выхватил испуганно разбегающихся кошек, затем скользнул по полу — бетонному, но с крупными земляными проплешинами, разьевшими его подобно кариесу, осветил стены и высокий сводчатый потолок. В этом довольно просторном зале не было ни одного предмета, который бы намекал на предназначение помещения. Бывший цех, склад? Унылое место, нагнетающее не-радостные мысли запустение. Я торопливо пересекла зал, освещая путь и стараясь глядеть лишь перед собой, ибо чернота, остающаяся за спиной, пугала. Кто может, помимо кошек, обитать в такой темноте?

Мои страхи.

Паника вновь накатила тошнотой. Я остановилась и зажмурилась, стараясь вызвать в памяти счастливые воспоминания. Теплая ночь, бе-

гушая нам навстречу, мчащимся на мотоцикле со скоростью звездолета. Крепкие объятия. Соленые, пахнущие морем, поцелуи. Мягкий, как мука, и почти не остывший к ночи песок, ласковое нашептывание прибоя... Мне стало легче, страх не исчез, но отступил, давая возможность идти вперед.

Я шагнула в дверной проем и оказалась на площадке, с которой круто вверх устремлялась винтовая металлическая лестница. Первые шаги дались почти легко, но потом я споткнулась, и вибрирующий гул от потревоженной ступени разнесся по всему помещению.

— Осторожно! — машинально воскликнула я и иронично усмехнулась: ведь еще каких-то четверть часа назад послала осторожность со всеми ее предупреждениями куда подальше.

Взывать к осторожности — старая привычка.

Лестница была бесконечной. Преодолевая ступень за ступенью по спирали, я не могла избавиться от ощущения, что оказалась в панцире улитки. Выберусь ли когда-нибудь отсюда? Не знаю.

А за мной по пятам шел мой страх.

Не оглядываться!

Сколько ног топтало эту лестницу в лучшие времена? В этой абсолютной тишине мне вдруг послышался призрачный шелест шагов. Этот звук, напугавший до оцепенения, чуть не заставил меня повернуть назад. Нет-нет, это просто воображение, помноженное на страх! Ну пра-

во, кто тут может шуметь, на этой *мертвой* фабрике, ставшей пристанищем для бездомных кошек?! Может быть, днем сюда еще лазают любопытные мальчишки. Но ночью, ночью в старых помещениях никого нет! Только я, кошки и человек, ради которого я сюда пришла.

Лестничный серпантин наконец-то закончился узкой металлической площадкой. Я с облегчением перевела дух и осветила фонариком полуразрушенную деревянную дверь. Открыть ее не представлялось возможным, она, похоже, выросла в пол. Но посреди нее зияла дыра, в которую я и пролезла.

За дверью оказался узкий, напоминающий траншею, коридор, по одну сторону которого располагались маленькие квадратные комнатки, бывшие, видимо, когда-то кабинетами. Сохранившаяся кое-где мебель в виде столов и шкафов подтверждала мое предположение. Возможно, тут находились бухгалтерия, отдел кадров, комнаты руководства... Теперь это была мертвая зона. Даже крысы, похоже, избегали ее. Зловещая тишина, полное одиночество. Я изо всех сил сжала фонарик, испугавшись того, что он выскользнет из взмокнувшей от страха ладони и я останусь в этом жутком месте в кромешной тьме. Тогда мне уж точно не выбраться. Фонарик я держала в вытянутой руке и водила им нервно, порывисто, будто это был пистолет, а я сама — испуганным и загнанным в угол грабителем, вышедшим на дело впервые.

Луч света безбожно прыгал, выхватывая стены, по которым прямо поверх серого бетона, а местами — и по обнажившейся кирпичной кладке черными змеями тянулись к большим круглым розеткам провода. Я спешно отводила фонарик, и в поле света попадала сохранившаяся мебель. Двери некоторых шкафов были распахнуты, и взору представало полуистлевшее содержимое — кипы каких-то бумаг, коробки, стопки конторных книг. Засмотревшись на один из таких шкафов, я налетела на стол, выдвинутый прямо на середину комнаты, и случайно смахнула что-то со столешницы. Упавший предмет отозвался стеклянным звоном. Я осветила фонариком пол и увидела фигурку кошки размером с пол-ладони, отлитую из матового белого стекла. От удара голова с изумрудными глазами откололась. Я подняла части осколков и положила на стол.

— Извини, — сказала я разбитой кошке. — Я не нарочно.

Эта комната оказалась последней. Пробежав остаток коридора, я вышла на другую лестничную площадку. И куда теперь — вверх или вниз?

Я почувствовала себя героиней компьютерной игры. Однажды мне довелось играть в игру, действие которой происходило на заброшенном заводе. Ее очень рекомендовал мне муж, но надолго меня не хватило: первый же монстр за

первым же поворотом свалил меня. Да и антураж не понравился тем, что напоминал ночные кошмары. Как странно оказаться сейчас внутри такой игры или, точнее сказать, в собственном кошмаре... Так странно... И ожидаемо — это должно было рано или поздно случиться.

Интересно, здесь водятся монстры? Жаббервоги, кракодавы или кто там еще?

Нет. Они водятся в моей фантазии.

А призраки?..

Словно в подтверждение откуда-то сверху донесся скрип и вслед за ним металлическое бряцанье, будто некто пытался разбудить уснувшие десятилетия назад заржавевшие механизмы станков. Спина покрылась холодным потом, и я с трудом удержалась, чтобы не перекреститься.

«На фиг страхи!» — Я попыталась подбодрить себя, но уже мчалась по лестнице вниз. Еще одного серпантина, уводящего все дальше от земли, я бы не выдержала. О том, что мне придется как-то возвращаться, я старалась не думать. Сейчас — только вперед.

Лестница привела меня в огромный, куда больше первого, зал. Я остановилась и обвела его лучом света. Это, похоже, был цех: высокий арочный потолок, маленькие, подобно бойницам, окна, бетонный пол, кирпичное сооружение в углу, напоминающее печь, и какой-то станок, в темноте похожий на многорукого монстра.

Не успела я сделать первый шаг, как услыша-

ла из дальнего угла тихий стон. Сердце отозвалось лихорадочной дробью.

— Эй?.. Это ты? — позвала я.

Неужели, неужели?

К стону прибавился шорох, и я, обрадовавшись тому, что нашла, что успела, бросилась вперед. Под резиновыми подошвами мокасин захрустела стеклянная крошка, и мне подумалось, что, попадись под ноги осколки покрупнее, они рассекут мягкую резину в одночасье, а вместе с мокасинами кирдык настанет и ногам. Откуда тут стекло? Разбитые подростками бутылки?

— Это фабрика стекла, разве не знала? — раздался вдруг за моей спиной свистящий шепот.

Я испуганно оглянулась, и когда луч света выхватил из темноты *это*, закричала от ужаса...

«Н

е лезь не в свое

дело. Сунешься – мало не покажется», — предупредила записка, выуженная мной из почтового ящика. Первая мысль, которая возникла после того, как я увидела странный листок, — это не мне. Привычки лезть туда, куда не просят, у меня не было, я, напротив, отличалась деликатностью. Излишней, по мнению подруги Арины. Но на конверте стояло мое имя: «Скороходовой Анне».

Я в недоумении повертела записку и, словно надеясь найти что-либо, объясняющее странную угрозу, заглянула в конверт, даже перевернула его и потрясла. Пусто. Пожав плечами, сунула «письмо» в карман и стала подниматься на четвертый этаж, с трудом волоча тяжелые сумки с продуктами и морщась от смеси запахов кошачьей мочи, кислых щей и дешевого табака. Этой невыветриваемой вонью, к которой пришивался дух старости, пропитались и стены моей квартиры, не помогало даже то, что окна целый день оставались открыты нараспашку.

«Только ремонт», — вздохнула я, понимая, что пока не могу его затевать. Не столько из фи-

нансовых соображений, сколько из-за нежелания ввязываться в новые хлопоты. Совсем недавно закончился мой бракоразводный процесс, выжавший из меня все силы и эмоции, и сейчас мне хотелось только покоя. Одиночество тоже входило в реабилитационную программу после событий, перетряхнувших мою жизнь, будто коробку с домино. Я игнорировала звонки приятельниц, делая исключение лишь для Арины. Не то чтобы воспоминания о бывшем муже вызывали боль, нет, напротив, с поставленными в бракоразводных документах подписями пришло исцеление, но я еще не была готова делиться с миром последними событиями. К счастью, работа у меня надомная — письменные переводы, так что я вполне могла позволить себе такую драгоценную душевно-восстановительную процедуру, как затворничество.

Я вошла в квартиру, приласкала выбежавшую навстречу трехцветную кошку Дусю, сняла сандалии и отправилась на кухню. Воодрузив на старый стол пакеты, принялась разбирать покупки. *«Не лезь не в свое дело...»* — слова из записки оказались прилипчивыми, как попсовый мотивчик, растиражированный радиостанциями. И чем больше я о них думала, тем сильнее становилось подозрение, что письмо — отголосок недавнего развода, во время которого угрозы поступали и от бывшего мужа, и от его новой пассии. Причиной войны стала трехкомнатная квартира в новостройке, которую Константин (во время развода уютное и ласковое «Костя»